

*Колоницкий Б.И.**

Антимонархическая революция 1917 года и начало формирования культа вождя народа

Аннотация: Уже в 1917 году современники указывали на авторитарную, вождистскую политическую культуру, которая была присуща различным партиям. Своих вождей прославляли не только большевики, но и конституционные демократы, социалисты-революционеры, сторонники М.В.Родзянко и Г.В.Плеханова, поклонники Л.Г.Корнилова. При этом различные политические партии использовали схожий политический язык. Одним его источником была традиция репрезентации «военных вождей», полководцев. При выработке языка прославления вождя использовалась и традиция почитания «борцов за свободу», выработанная революционной политической культурой. Особое значение для формирования отношения к революционному лидеру имели образы Керенского. Политик и его сторонники культивировали образы «народного трибуна», «пророка», «министра народной правды», «вождя демократии», «вождя революционной армии», «Наполеона». Следствием подготовки Июньского наступления, сопровождавшейся разнообразными конфликтами, стало создание культа уникального вождя-спасителя, другие претенденты на роль вождей не могли в это время соперничать с Керенским. Важнейшие культурные формы прославления «вождя народа» и использования его авторитета были выработаны уже в марте – июне 1917 года, впоследствии они были применены при создании культов советских вождей и даже белых лидеров.

Ключевые слова: Февральская революция, политическая культура России, авторитарные традиции, культ вождя, репрезентации народных героев, эсеры, большевики, Керенский, Ленин

УДК 94(47).084.1

Abstract: Already in 1917 contemporaries pointed to an authoritarian political culture that was inherent in various parties. The leaders were glorified not only by the Bolsheviks, but also by constitutional democrats, socialist revolutionaries, supporters of M.V. Rodzianko and G.V. Plekhanov, and admirers of L.G. Kornilov. At the same time, various political parties used a similar political language. One source of this was the tradition of the representation of "military leaders", generals. In elaboration of the language of glorification of the leader was used the tradition of honoring the "fighters for freedom" worked out by revolutionary political culture. Kerensky's images played a special role in generating the attitude toward the revolutionary leader.

* *Колоницкий Борис Иванович* – доктор исторических наук, профессор факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской Академии наук (e-mail: kolon@eu.spb.ru)

The politician and his supporters cultivated images of the "people's tribune", the "prophet", "the minister of people's truth", "the leader of democracy", "the leader of the revolutionary army," and "Napoleon". The preparation of the June offensive accompanied by various conflicts resulted in the creation of the cult of a unique leader-savior, while other contenders for the role of leaders could not compete with Kerensky at that time. The most important cultural forms of the glorification of the "leader of the people" and the use of his authority have been already worked out in March-June 1917, later they were used to create cults of Soviet leaders and even leaders of the "White movement".

Keywords: the February Revolution, the political culture of Russia, authoritarian traditions, the cult of the leader, the representation of the people's heroes, the Socialist-Revolutionaries, the Bolsheviks, Kerensky, Lenin

В мае 1917 года в петроградской газете левых социал-демократов интернационалистов «Новая жизнь» была опубликована статья А.А.Богданова, посвященная отношению различных партий к их лидерам¹. Известный философ, писатель, экономист, естествоиспытатель, врач – он знал не понаслышке политическую культуру социалистического движения: в 1905 – 1909 годах Богданов наряду с Лениным, был одним из лидеров большевиков. Он отмечал, что в различных российских партиях большую роль играет «диктатура лидеров», представляющая «власть духовную», основанную «на свободной вере». Автор предполагал, что в случае прихода к власти партии, в основе организации которой лежит авторитет вождя, ее принципы действия повлияют на складывающийся общественный и государственный строй: «Каждая организация, когда ей удастся приобрести решающее влияние в общественной жизни и строительстве, неизбежно, независимо от формальных положений ее программы, стремится провести в обществе *свой собственный* тип строения, как непосредственно близкий и привычный: всякий социальный коллектив перестраивает, насколько может, всю социальную среду по своему образу и подобию. И если это – *авторитарный* тип, основанный на господстве-подчинении, хотя бы и духовном, то роковым образом отсюда получается авторитарная тенденция и в социальном строительстве, как бы ни была демократична, коммунистична и т.д. программа»².

Богданов предупреждал, что при таких вождистских принципах организации партии и самая прогрессивная демократическая идеология не помешает установлению авторитарного режима: «Мы знаем в истории такие формы, как цезаризм, опирающийся на демократию, коммунизм с верховной властью пророков или жрецов...». Автор ссылаясь на опыт прошлого: «Каждый, изучающий историю Великой Французской революции, конечно, поражался тем, как быстро и легко республиканцы, якобинцы превращались в преданных бонапартистов». Богданов не объяснял это лишь ренегатством, небескорыстным оппортунизмом бывших революционеров, умело приспособляющихся

¹ Богданов А. Что же мы свергли? // Новая жизнь 1917. 17 мая.

² Там же.

к новым условиям, причины авторитаризма лежали глубже: французские политики «прошли еще в эпоху подъема революции школу подчинения и преданности своим вождям, политическим героям крайней левой». Для российской демократии, «не твердой политически и слабой культурно», подобная «авторитарная опасность» представляла особую угрозу. Автор рассматривал «авторитарность» на примере большевиков, история партии была автору знакома особенно хорошо; а тенденции ее развития он считал «типичными». При этом «авторитарность», по мнению Богданова, не была чертой, изначально присущей исключительно этой партии: «Враждебность к авторитетам являлась даже отличительной чертой большевизма. Слово “лидер”... употреблялось обычно в ироническом тоне...». Первоначально и слово «ленинцы», по свидетельству Богданова, применялось лишь политическими противниками как уничижительная характеристика этого политического течения в социал-демократии, но по мере роста авторитета этого вождя оно использовалось для самоназвания и самими большевиками.

Авторитарность, по мнению Богданова, развивалась и в других партиях, что проявлялось в прославлении вождей. Особенно автор выделял культ Г.В.Плеханова, создававшийся сторонниками «отца русского марксизма», подчеркивал он и склонность народников создавать культы своих вождей, объясняя это влиянием укорененных традиций крестьянства, испытавшего «многовековое авторитарное воспитание». О «буржуазных» партиях Богданов почти не пишет, но наличие у них «авторитарности» он не подвергает сомнению. Свержение монархии не привело к уничтожению «авторитарности»: «То, что свергнуто политически, продолжает жить культурно...». Автор формулирует неотложную задачу: «Большинству наших социалистов по имени и программе надо еще стать хотя бы демократами по методам мышления. ... Культурная революция необходима».

Содержание статьи можно кратко изложить так: свержение авторитарного политического строя было проведено различными силами, которые декларировали свою приверженность демократическому идеалу, но при этом они оставались носителями авторитарной, «вождистской» политической культуры. Это создавало условия для регенерации на новых идеологических основаниях авторитарной политической системы, в центре которой будет культ вождя. Взгляды Богданова кажутся провидческими, по крайней мере, многие авторы описывали (и описывают) последующую историю России как приспособление политической идеологии к глубинным структурам традиционной политической культуры. Правда, они чаще пишут о непосредственном, хотя и скрытом влиянии монархической традиции³, Богданов же указывает на авторитарную политическую культуру российских партий.

³ Современные исследователи, например, указывают на влияние политической традиции: революция в империи, выстроенной на архаических принципах, не может свестись к простой смене политического режима, ибо в системе власти-подчинения слишком многое было связано с эмоциями, порождаемыми сакральностью фигуры царя. Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. Россия, 1914 – 1917. М., 2015. С. 465.

Статья «Новой жизни» вызвала отклик главной газеты социалистов-революционеров, ее автор, разумеется, не признавал, что народники изначально были предрасположены к «авторитарности», но вопрос о вождях он считал актуальным, «острым». Обсуждение идей Богданова эсеровский автор использовал для критики оппонентов, отмечая ту легкость, «с которой у нас образуются партии отдельных лиц – партия ленинцев, партия плехановцев». Пафос же статьи Богданова он разделял, а ее вывод сочувственно цитировал: «То, что свергнуто политически, продолжает жить культурно...»⁴. Необходимость «культурной революции», «демократизирующей» политической стиль социалистов, эсеровским автором под вопрос им не ставилась.

Богданов не упоминает в своей статье Керенского, но весьма вероятно, что, работая в мае 1917 года над этим текстом, он думал о складывающемся как раз в это время культе «вождя революционной армии». Можно предположить, что и автор эсеровского издания без энтузиазма следил за формами прославления своего товарища по партии, по крайней мере, осторожное отношение к прославлению Керенского было присуще некоторым социалистам-революционерам.

Своих лидеров прославляли не только социалисты. Например, 27 марта 1917 года на Седьмом съезде конституционно-демократической партии известный философ князь Е.Н.Трубецкой так прославлял П.Н.Милюкова: «Когда мы видим у дверей врага, когда мы видим у дверей анархию, вот тогда-то мы и объединяемся. В единой национальной мысли, в едином национальном чувстве объединяемся вокруг тех национальных вождей, которые служат выразителями этой мысли. Вот, господа, причина, вот истолкование тех аплодисментов, которые слышал дорогой Павел Николаевич. Господа, все на местах внимательно следили за шагами этого доблестного вождя партии народной свободы. Мы не могли усмотреть в них ни единой ошибки...»⁵.

Князь Трубецкой указывал, что именно агрессивные действия врага заставляли кадетов объединяться вокруг своего вождя и прославлять его. Для левых социалистов «Милюков-Дарданельский» в это время стал фигурой, олицетворяющий российский империализм, и кадеты выступили в защиту своего лидера. В своей речи Трубецкой еще несколько раз назвал Милюкова «вождем» и «знаменосцем». Репортер сообщал, что приветствие в адрес партийного лидера делегаты съезда встретили «бурными аплодисментами», которые переросли в «продолжительную овацию»⁶.

Показателен и язык других приветствий. Представители студенческих организаций кадетов на партийных форумах именовали Милюкова «нашим старым испытанным борцом, нашим лидером», клялись верности партийному знамени и лидеру, «который держит в руках это знамя, пронесет его несмотря ни на какие опасности и препятствия». Речи молодых членов партии заканчивались призывами:

⁴ Печать и жизнь. Культурная революция // Дело народа. Пг., 1917. 18 мая.

⁵ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. 1915 – 1917 гг. М., 2000. С. 460.

⁶ Там же.

«... да здравствует наш Центральный Комитет, да здравствует наш вождь, наша слава и наше знамя – Павел Николаевич Милюков», и эти призывы делегаты съезда встречали аплодисментами⁷.

Показательны не только сами приветствия, но и описания этих приветствий в кадетской печати. Репортер так описал прибытие Милюкова на партийный съезд: «Все члены съезда и многочисленная публика на хорах встают и устраивают вождю и лидеру партии шумную овацию. К аплодисментам присоединяются и все члены президиума и докладчик»⁸. Милюков занимал особое положение в руководстве кадетов, однако, вряд ли эту партию можно назвать «вождистской», хотя, как мы видим, язык «вождизма» использовался ее видными представителями. Разные кадеты имели различные представления о тактике прославления своего лидера, да и отношение к Милюкову у них могло отличаться, но стилистика подобных приветствий не вызывала возражений, а партийная пресса описывала поддержку вождя именно так⁹.

Суждения Богданова о «вождизме» сторонников Г.В.Плеханова подтверждается и источниками 1917 года. Возглавляемая им группа «Единство», объединявшая социал-демократов крайних оборонческих взглядов, была малочисленным политическим образованием, и авторитет «отца русского марксизма» был для «Единства» особенно важным политическим ресурсом. Сторонники называли Плеханова «мудрым вождем», «любимым вождем российской социал-демократии», «великим вождем и поборником классовых интересов пролетарского мира»¹⁰. Плеханова именовали и «учителем русской социал-демократии», «дорогим учителем»¹¹.

Традиция прославления партийных вождей сказалась и на развитии политического языка в 1917 году. Радикальная антимонархическая революция табуировала риторику и символику монархии, хотя в скрытой, порой неосознанной форме они продолжали использоваться. Через некоторое время образованные современники перестали уже фиксировать упоминания простолюдинов о «демократической республике с хорошим царем». Актуальным стал поиск новых образов персонификации политического руководства, репрезентации политических лидеров. И тот арсенал средств прославления партийных вождей, о котором писал Богданов, был востребован представителями разных политических теобраз.

После свержения монархии развитие получила и другая традиция. Слово «вождь» в политическом языке дореволюционной России часто применялось по отношению к высшим военным руководителям,

⁷ Там же. С. 650.

⁸ Там же. С. 672, 683.

⁹ В рядах кадетов не только Милюков воспринимался как «вождь», на различных форумах и другие лидеры партии описывались как «вожди». На заседании продовольственного съезда, состоявшегося в мае, один из делегатов в таких выражениях приветствовал министра А.И.Шингарева: «Ура нашему славному вождю, нашему истинному герою и борцу за свободу русского государства». Этот возглас «был подхвачен участниками съезда и покрыт бурными и долго не смолкавшими аплодисментами». Продовольственный съезд // Речь. 1917. 9 мая.

¹⁰ Единство. 1917. 5, 28 мая.

¹¹ Единство. 1917. 3, 5 мая.

командующим разного ранга. Император, возглавлявший вооруженные силы, именовался «державным вождем», а в годы мировой войны верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича называли «верховным вождем». Культ верховного главнокомандующего должен был поддерживать и укреплять культ императора, но на деле он начал с ним конкурировать. Повышающийся политический статус «верховного вождя» стал одной из причин смещения великого князя в августе 1915 года, верховным главнокомандующим стал сам Николай II, опасная конкуренция «державного» и «верховного» вождей была устранена¹².

Вождями именовались и другие полководцы – главнокомандующие фронтами, командующие армиями. Применительно к военным администраторам высокого ранга этот термин не часто употреблялся, например, военный министр до революции не удостоивался, насколько можно судить, такого обращения.

В таком значении слово «вождь» употреблялось и после свержения монархии. Однако к военным «вождям» предъявлялись дополнительные требования, появлялись новые критерии оценки их деятельности. Социалистическая газета, например, подвергала сомнению право верховного главнокомандующего генерала М.В.Алексеева быть настоящим «вождем русской революционной армии», ибо консервативные политические заявления полководца не давали ему на это права¹³. Соответственно, некоторые военачальники для подтверждения своей лояльности использовали различные элементы революционной политической культуры, демонстрировали свой «демократизм», это укрепляло их статус «вождя».

Сам образ военного вождя во время революции политизировался. Например, важный пост командующего Петроградским военным округом занял после свержения монархии генерал Л.Г.Корнилов и, хотя генерал возглавил тыловой военной округ, а не фронтовое соединение, печать именовала его «вождем народной армии»¹⁴. Такая характеристика была невозможна до свержения монархии. Доказательством же «народности» вождя было «простое» происхождение генерала Корнилова, его «простая» манера поведения, умение говорить с солдатами «простым» языком. Впоследствии же, когда Корнилов заявил о своих претензиях на роль общенационального, «народного» вождя, он и рассматривался прежде всего как политический лидер, военная составляющая его характеристики даже отходила иногда на второй план: «Генерал Корнилов не может быть смещен, поскольку является настоящим вождем народа», - заявил, например, Совет Союза казачьих войск в начале августа 1917 года¹⁵. Подразумевалось, что «настоящий вождь народа» противопоставляется деятелям, которые претендуют на этот статус без должных к тому оснований.

¹² Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

¹³ С-ъ. Генерал Алексеев // Новая жизнь 1917. 12 мая.

¹⁴ Вождь народной армии // Русский инвалид. 1917. 14 марта.

¹⁵ Дело народа. 1917. 11 августа.

Если в политической культуре социалистических партий авторитаризм присутствовал порой в скрытой форме, прикрывавшейся демократической идеологией, то традиция прославления военных вождей, политизированная и «демократизированная» после Февраля, была изначально авторитарной.

Эти источники наряду с культом «борцов за свободу», ставшим важнейшим элементом революционной политической культуры, использовались при конструировании репрезентаций лидеров национального масштаба. Председатель Государственной Думы М.В.Родзянко, воспринимавшийся первоначально многими как главный деятель переворота, описывался как «первый гражданин России», порой его именовали «вождем»¹⁶. Однако, образы Керенского довольно быстро затмили образы Родзянко и других претендентов на роль вождей переворота. Именно харизматичный «революционный министр», а не глава Временного правительства князь Г.Е.Львов стал олицетворением Февраля¹⁷.

Образ «вождя демократии», создававшийся уже после Февраля, в мае получил новый импульс для развития, Керенский, ставший военным министром, был провозглашен «вождем революционной армии». В июне же, в связи с началом наступления, были найдены риторические приемы, символы, ритуалы, оформляющие культ уникального вождя-спасителя, ставшего символом революционной страны. Различные лидеры политических партий и военачальники именовались в это время в разных текстах «вождями», а иногда они и претендовали на этот статус, но они не воспринимались как руководители «всего народа» и не могли некоторое время конкурировать с Керенским. Лишь став верховным главнокомандующим, генерал Л.Г.Корнилов и его сторонники смогли бросить Керенскому вызов, оспаривая его статус уникального «вождя революционной армии».

Это не значит, что культ Керенского как социально-политический институт на этом этапе можно сопоставить с развитыми культурами Ленина, Троцкого и, тем более, Сталина. Но важнейшие культурные формы прославления «вождя народа» и использования его авторитета были выработаны уже в марте –

¹⁶ Об обращениях к М.В.Родзянко см.: Гавроева Е.С. Письма во власть: Рабочие и М.В. Родзянко (Март 1917 г.) // Революция 1917 года в России: Новые подходы и взгляды: Сб. науч. ст. / Отв. ред. и сост. А.Б. Николаев. СПб., 2015. С. 76--82; Она же. Письма во власть: Солдаты и М.В. Родзянко (Март 1917 г.) // Петербургские военно-исторические чтения: Сб. ст. / Отв. ред. и сост. А.Б. Николаев. СПб., 2015. С. 112--117.

¹⁷ О Керенском см.: Старцев В.И. Крах керенщины. Л., 1982; Он же. Бегство Керенского // Вопросы истории. 1966. № 11. С. 204--206; Он же. Керенский: Шарж и личность // Диалог. 1990. № 16; Он же. Русское политическое масонство начала XX в. СПб., 1996; Он же. Тайны русских масонов. СПб., 2004 (последняя книга представляет собой дополненное издание монографии «Русское политическое масонство»); Abraham R. Alexander Kerensky: The First Love of the Revolution. London, 1987; Иоффе Г.З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995; Басманов М.И., Герасименко Г.А., Гусев В.К. Александр Федорович Керенский. Саратов, 1996; Федюк В.П. Керенский. М., 2009; Гютюкин С.В. Александр Керенский: Страницы политической биографии (1905--1917 гг.). М., 2012. Николаев А.Б. А.Ф. Керенский о Февральской революции // Клио. 2004. № 3. С. 108--116; Рабинович А. А.Ф. Керенский и В.И. Ленин как политические лидеры периода кризиса // Политическая история России XX века. К 80-летию проф. В.И. Старцева: Сб. науч. тр. СПб., 2011. С. 209--216. Специально об отражении образов Керенского в общественном сознании писали Г.Л.Соболев и А.Г.Голиков: Соболев Г.Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. Период двоевластия. Л., 1973; Голиков А.Г. Феномен Керенского // Отечественная история. 1992. № 5. С. 60--73. Г.Л.Соболев выпустил и подборку источников, освещающих деятельность Керенского, она снабжена предисловием, которое имеет самостоятельное научное значение: Александр Керенский: любовь и ненависть революции: Дневники, ст., очерки, воспоминания современников / Сост. Г.Л. Соболев. Чебоксары, 1993.

июне 1917 года, а впоследствии они были применены при создании других революционных культов, в том числе и культов советских вождей и даже белых лидеров.

При конструировании культа Керенского использовались разные традиции. Репутация «борца за свободу» была необычайно важна для легитимации многих политических лидеров, в этом отношении Керенский не был исключением. Его жизненный путь привлекал особое внимание издателей и читателей: ни один деятель той поры не мог похвастаться таким количеством брошюр, посвященных его биографии¹⁸. Об интересе к изображениям Керенского свидетельствует и то, что его портреты чаще других печатались в периодических изданиях¹⁹.

Репутация «народного трибуна», боровшегося со «старым режимом», слава «пророка», провозглашавшего грядущий крах монархии, - все это подтверждало статус вождя. При описании биографий разных политиков революционной поры использовались схожие приемы, порой одинаковые риторические обороты, разработанные поколениями участников освободительного движения. И Керенский, и некоторые другие политические лидеры эпохи революции описывались как «борцы за свободу», а их пригодные к политическому употреблению жизнеописания представляли частью сакрализованной истории освободительного движения, истории, которая становилась основой политики памяти революционной России.

Вступление Керенского во Временное правительство в качестве министра юстиции потребовало поиска особых форм репрезентации власти. Образы «министра народной правды», «демократического министра» требовали использования новой риторики, новых «демократических» жестов и ритуалов. Керенский отвергал те предлагавшиеся ему образы, которые открыто напоминали «старый режим», хотя впоследствии это не спасло его от критиков, сравнивавших поступки революционного министра и последнего царя.

Особая атмосфера «праздника революции», казавшаяся всеобщей эйфория по поводу переворота породили своеобразный политический стиль, ярким выражением которого были публичные выступления Керенского. В них переплетались элементы политической традиции революционного подполья, публичной политики эпохи Государственной думы и художественной культуры Серебряного

¹⁸ См.: Александр Федорович Керенский (По материалам Департамента полиции). Пг., 1917; Сын Великой Русской Революции Александр Федорович Керенский. Его жизнь, политическая деятельность и речи. Пг., 1917; Кирьяков В.В. А.Ф. Керенский // Нива. 1917. № 19. С. 287--288; № 20. С. 294—297; В-й В. [Кирьяков В.В.] А.Ф. Керенский. Пг., 1917; Леонидов О. Вождь свободы А.Ф. Керенский. М., 1917; То же, изд. 2-е, доп.; В-ч Е. А.Ф. Керенский народный министр. Одесса, 1917; Тан. А.Ф. Керенский. Любовь русской революции // Герои дня: Биографические этюды. Пг., 1917. № 1; Высоцкий В. Александр Керенский. М., 1917; Арманд Л.М. Керенский. Пг., 1917.

¹⁹ В 1917 году его портреты публиковались не менее чем в 32-х журналах, при этом не менее 12-ти печатали их в двух и более номерах. Между тем портреты Милюкова публиковались в том же году в 17-ти журналах, Брешко-Брешковской – в 16-ти, Гучкова -- в 15-ти, Родзянко -- в 13-ти, Чернова -- в 12-ти, Плеханова -- в восьми, а Ленина -- в шести. См.: Русские портреты, 1917--1918 гг. / Сост. М.Г. Флеер. Пб., 1921 (репринт. изд.: М., 2010). М.Г. Флеер не смог, разумеется, просмотреть всю выходящую периодику, однако основные иллюстрированные издания были им учтены, и эти сведения дают представление о распространенности визуальных образов различных политических лидеров.

века, испытавшей воздействие нищезанятия. Впоследствии многим мемуаристам, писателям и историкам это сочетание казалось эклектичным, неестественным и пошлым; задним числом и революционный энтузиазм мартовских дней порождал немало критических и иронических замечаний. Однако в условиях той поры это массовое воодушевление представляло собою колоссальный политический ресурс, и «театральные» выступления Керенского, репрезентации, вполне адекватные этому восторженному настроению и политической культуре его аудитории, позволяли провоцировать, оформлять, усиливать, направлять и использовать этот энтузиазм.

Многое в действиях Керенского определялось расстановкой основных политических сил. За ним не стояла какая-либо большая политическая организация, даже в «своей» партии социалистов-революционеров он не находил всеобщей и полной поддержки. Поэтому судьба «революционного министра» зависела от прочности коалиции умеренных социалистов и либералов, которая на языке той поры, отражавшем культурную гегемонию социалистов, именовалась соглашением «демократии» и «буржуазии». Это объединение, которое также называлось объединением всех «живых сил» страны, вполне соответствовало принципиальным убеждениям Керенского, желавшего предотвратить гражданскую войну, но оно отвечало и его тактическим политическим интересам: вне коалиции, в центре которой находился бы он, у него не было шансов быть лидером национального масштаба. Соответственно, он постоянно стремился создавать, поддерживать, воссоздавать данную коалицию, а это влияло на его репрезентации, на оформление образа вождя.

Керенский, бывший, одновременно, и членом Временного правительства, и товарищем (заместителем) председателя Исполкома Петроградского Совета, занимал политическую позицию, которая помогала ему решать эту задачу создания и воссоздания коалиции в условиях нестабильной ситуации двоевластия. Его положение на «правом» фланге умеренных социалистов, готовых сотрудничать с «буржуазией», т.е. с либеральными политиками, также этому способствовало. Наконец, опыт объединения различных оппозиционных сил, который Керенский приобрел во время Мировой войны и в дни Февраля, был также очень важен. Однако выгодная политическая позиция сама по себе не гарантировала успеха в деле строительства коалиции. Эта задача требовала постоянных и энергичных усилий, новых инициатив, оперативного реагирования на опасные и неожиданные вызовы. Она предполагала также и корректировку репрезентации лидера, которая менялась в соответствии с актуальными задачами поддержания и воссоздания коалиции. Позиция «примирителя» всех «живых сил» нашла некоторое отражение в репрезентациях Керенского и в их восприятии, однако она не доминировала в системе образов вождя народа. В то же время политическая тактика, частью которой была и тактика репрезентации популярного министра постоянно определялась этой актуальной политической задачей. Уникальная политическая позиция революционного министра создавала репутацию его незаменимости, а это было важное условие для складывания его харизмы.

Задача политического объединения была трудна и в силу того, что Керенский не имел сильных убежденных сторонников среди основных лидеров политических партий, хотя на некоторых этапах он находил важных союзников (особое значение для него имела помощь влиятельного лидера меньшевиков И.Г.Церетели, который обеспечивал Керенскому поддержку многих влиятельных умеренных социалистов). Между тем уже в марте Керенский порой действовал без оглядки на руководителей Петроградского Совета и в то же время открыто бросал вызов лидеру конституционных демократов П.Н.Милюкову. Он мог так поступать, потому что его влияние и вне круга новой политической элиты, его авторитет у политизирующихся масс был необычайно высок. Для «мартовских» эсеров, для новобранцев иных политических партий – включая даже некоторых новых членов партии большевиков – он был наиболее известным и влиятельным, популярным и ярким вождем Февраля. Еще большим было влияние Керенского на беспартийных делегатов всевозможных Советов и комитетов, и неоднократно Керенский успешно обращался к ним через голову партийных вождей, хотя это и не способствовало установлению хороших отношений с лидерами умеренных социалистов. Эти обстоятельства следует учитывать при оценке воздействия политического масонства на карьеру Керенского: влияние тайной организации необходимо принимать в расчет, оно требует и дальнейшего изучения, однако воздействие революционного министра на политическую элиту определялось прежде всего его авторитетом у «улицы», что проявилось уже в дни Февраля. Этот ресурс популярного публичного политика не могли игнорировать лидеры «буржуазии» и «демократии», хотя у них у всех нарастал список своих претензий к любимцу революции, однако открыто предъявлять их ему они в то время еще не решались.

Авторитет Керенского подвергся серьезным испытаниям во время Апрельского кризиса: обстоятельства публикации «ноты Милюкова» могли привести к его политической изоляции: и умеренные социалисты, и либералы подозревали его в нелояльности. В этой ситуации революционный министр совершил важный маневр, он неожиданно произнес одну из наиболее известных своих речей, образ «взбунтовавшихся рабов» помог ему использовать, политически оформить нараставшие в обществе настроения тревоги²⁰. В результате Керенский существенно повысил свой авторитет, хотя и это выступление не улучшило его отношения с лидерами умеренных социалистов. Выход из кризиса был найден при его активном участии и на условиях, особенно выгодных ему. Эта речь укрепила и его статус вождя: он использовал распространенное чувство тревоги для пробуждения новой волны энтузиазма, он обосновал свой статус образцового гражданина, «великого гражданина», предводителя и вдохновителя «свободных граждан», противостоящих «взбунтовавшимся рабам».

²⁰ Подробнее см.: Колоницкий Б.И. «Взбунтовавшиеся рабы» и «великий гражданин»: Речь А.Ф.Керенского 29 апреля 1917 и ее политическое значение // Journal of modern Russian history and historiography. 2014. № 7. P. 1-51.

Создание коалиционного Временного правительства в мае существенно укрепило влияние Керенского: он не только занял важный пост военного и морского министра, но и увеличил свою популярность. Сложная, в конечном итоге недостижимая задача создания в вооруженных силах «дисциплины долга», основанной на сознательности «солдата гражданина», требовала соглашений между генералами и усиливающими свое влияние членами войсковых комитетов разного уровня. Это же в свою очередь требовало коррекции репрезентации главы военного и морского ведомств. Опираясь на разработанные, популярные и известные образы «борца за свободу» и «демократического министра», Керенский, милитаризовал свой облик, свой стиль, свои выступления, создавая образ «вождя революционной армии». Этот образ становится важным элементом пропагандистской подготовки Июньского наступления российской армии, и различные сторонники наступления внесли свой вклад в разработку этого образа и его распространение.

Между тем подготовка наступления способствовала и мобилизации противников военного министра – большевиков, части левых социалистов, анархистов. При этом негативные образы Керенского стали важными инструментами этой мобилизации, для многих солдат именно военный министр был олицетворением ненавистного для них наступления. Именно в это время «революционный министр» впервые стал объектом массированных пропагандистских атак, его противники начали активно создавать галерею негативных образов Керенского, при этом критике подвергается и политический курс министра, и его политический стиль.

Но именно пропагандистские нападки на Керенского способствовали консолидации широкой и разнородной коалиции наступления, которое поддерживали генералитет, деловая элита, либералы и значительная часть умеренных социалистов. В разной степени и разным образом стремились они укрепить авторитет военного министра, который олицетворял подготавливаемую военную операцию. У некоторых участников этой коалиции были свои претензии к Керенскому, однако они откладывали его критику, ибо прославление военного министра способствовало пропагандистской подготовке наступления. В этой ситуации получили развитие и распространение новые положительные образы вождя. Некоторые же образы воспринимались современниками совершенно по-разному: так, сравнение военного министра с Наполеоном одних возмущало, у других же оно пробуждало надежды на восстановление в стране порядка.

Впрочем, эта коалиция поддержки наступления не была прочной, умеренные социалисты, доминировавшие в руководящих органах меньшевиков и эсеров, нередко противостояли консерваторам, либералам и правым социалистам (особенно заметной была полемика между центральными печатными органами конституционных демократов и социалистов-революционеров, газетами «Речь» и «Дело народа»). Различные участники этих дискуссий стремились привлечь Керенского в качестве своего союзника, ссылались на его авторитет, предлагали свои трактовки образа вождя и критиковали

соответствующую тактику оппонентов, он же лавировал, не спешил занимать определенную позицию, а порой в разных аудиториях давал разные политические оценки. Такая ситуация приводила к тому, что военного министра по-своему прославляли и «слева» и «справа», галерея его положительных образов становилась еще более разнообразной.

Уже во время подготовки наступления и, в особенности, после 18 июня Керенский представляется дружественной ему пропагандой не только как «вдохновитель» но и как «герой наступления». Образ «героя», «героя революции», использовавшийся уже в марте при описании министра, получал новые патриотические смыслы. Восторженные же пропагандистские сообщения порождали слухи о том, что Керенский с красным знаменем в руках ведет в бой полки революционной армии под огнем врага.

Образ «героя» был необычайно важен для становления харизмы Керенского. И раньше он представлялся как «пророк», революционер-аскет, как уникальный и незаменимый политик, как «последняя надежда» страны, как вождь-спаситель. Торжества по случаю первых побед российской армии в июне стали уже знаком становления культа «великого вождя», Керенский стал изображаться и восприниматься как символ революционной России. Культурные формы, необходимые для описания харизмы революционного лидера, были найдены. Этот культ вождя стал важным политическим ресурсом, который был использован во время Июльского кризиса, когда большевики и их политические союзники бросили вызов власти Временного правительства.

Исследователи, рассуждая о культах вождей, задаются вопросом о главных их творцах. Нередко ученые полагают, что культы создавались преимущественно «сверху», политическими, деловыми и культурными элитами, которые, используя важные политические ресурсы, прежде всего ресурсы государственного аппарата, внедряли культы вождей в массы. Порой же высказывается и иная точка зрения даже применительно к утвердившимся и «застывшим» культам: «Культ Сталина вырос из низу общества и поддерживался сверху», - писал А.А.Зиновьев, внимательный современник и пристрастный исследователь коммунизма²¹.

Вряд ли с этим суждением можно согласиться: культ Сталина создавался мощным государственно-партийным аппаратом пропагандистского и организационного воздействия, а противостоящие ему усилия подавлялись органами безопасности, что не исключало и индивидуальных инициатив искренних сталинистов. Однако, подобные упрощающие пространственные одномерные метафоры «верхов» и «низов», используемые в научной литературе неоправданно часто, попросту недостаточны для описания такого сложного явления как культ вождя. И уж совсем неприменимы они для описания эпохи революции и Гражданской войны, когда эти культы только складывались. Культ Керенского прежде всего был следствием политических конфликтов разного уровня и разного

²¹ Зиновьев А.А. Исповедь отщепенца. М., 2005. С. 354.

характера, в том числе и конфликтов на микроуровне. Участники этих конфликтов стремились укрепить свой собственный авторитет, с этой целью они участвовали в акциях, направленных на легитимацию и делигитимацию вождя революции, принимая и отвергая, тиражируя, развивая и изобретая его различные образы.

Сам «революционный министр» был креативным творцом своих образов. Особая политическая и эмоциональная атмосфера начального этапа революции была адекватна его стилю репрезентации, его ораторской манере. Пресловутый «политический импрессионизм» Керенского тут сыграл свою роль, однако «министр революционной театральности» действовал не только как талантливый импровизирующий актер и режиссер, но и как опытный и расчетливый импресарио. Министр умел использовать ведущие периодические издания Петрограда и Москвы: он мастерски создавал информационные поводы, интересные для читателей газет, он находил время для общения с влиятельными журналистами, редакторами и издателями. При помощи Керенского был реализован ряд издательских проектов, прославлявших «вождя народа».

«Революционного министра» безоговорочно и постоянно поддерживали небольшие политические группы умеренных социалистов и демократов. Ближе всего ему были трудовики, народные социалисты, некоторые меньшевики-оборонцы и, в особенности, правые социалистов-революционеров, группировавшиеся вокруг петроградской газеты «Воля народа». Влияние «воленародовцев» не было очень велико в партии эсеров, но весьма важно было, что Керенского поддерживали некоторые ветераны революционного движения, прежде всего Е.К.Брешко-Брешковская. Эти группы получали финансовую помощь при содействии Керенского и его окружения, что позволяло им вести пропаганду с изрядным размахом. И, как уже отмечалось, большая часть биографий, прославлявших вождя в 1917 году, была издана народниками, прежде всего правыми эсерами, стиль прославления героев, мучеников и вождей, созданный народниками, отразился на их содержании.

В то же время некоторые политические союзники Керенского, поддерживая его курс, сдержанно относились к созданию его культа. Примером может служить Г.В.Плеханов. Руководимая им газета «Единство» представляла взгляды марксистов-оборонцев, для которых даже меньшевистская партия была чрезмерно левой. «Единство» поддерживало коалицию с «буржуазией» и наступление российской армии, но политический стиль Керенского не был для сторонников Плеханова приемлем, популярный министр не описывался ими как «вождь». Однако, группа «Единство» и сам Плеханов активно участвовали в манифестациях, посвященных началу наступления российской армии, тем самым они прославляли и его организатора. «Отец русского марксизма», сам воспринимавшийся как «вождь» и «учитель» своими сторонниками, объективно способствовал строительству культа Керенского, которого сам он «вождем» не считал.

Некоторые же оппоненты Керенского «справа» становились на время его тактическими союзниками: исходя из своих интересов, они прагматически использовали образы революционного вождя, способствуя укреплению авторитета министра и утверждению его культа. Это можно сказать и о некоторых либеральных и консервативных политиках и влиятельных периодических изданиях, а также об армейских и флотских офицерах, адмиралах и генералах. В одних случаях они принципиально поддерживали его действия, прежде всего подготовку наступления. В других же случаях они стремились укрепить свою собственную власть, ссылаясь на авторитет популярного и влиятельного политика. Генералы М.В.Алексеев, А.А.Брусилов, Д.Г.Щербачев, другие военачальники некоторое время публично прославляли Керенского, ссылки на его авторитет должны были помочь укреплению дисциплины в армии и, соответственно, упрочению их власти. В этом отношении не были исключениями и адмирал А.В.Колчак и генерал Л.Г.Корнилов, будущие вожди Белого дела внесли свой вклад в создание культа революционного вождя, в своих целях опираясь на авторитет популярного министра и используя элементы революционной традиции. Среди видных предпринимателей, предоставивших Керенскому финансовую поддержку, был и А.И.Путилов, который своими публичными заявлениями также укреплял авторитет министра.

Керенский основывал свой авторитет вождя революционной армии на поддержке со стороны героев российской армии: восторженные обращения к нему ветеранов-фронтовиков, георгиевских кавалеров служили символом того доверия, которое должна была оказывать министру армия. Такая тактика укрепления авторитета использовалась и до революции, применялась она и другими политическими лидерами. Однако преподнесение боевых наград военному министру в мае 1917 года было беспрецедентным, оно укрепляло его авторитет «вождя» и «героя» авторитетными свидетельствами, что было важной предпосылкой для утверждения его харизмы.

Свою лепту в создание культа Керенского внесли и известные писатели, режиссеры, ученые, художники. Одни выступали с соответствующими публичными заявлениями, другие прославляли вождя своими произведениями. Ф.Д.Батюшков, В.Г.Богораз-Тан, А.С.Бухов, С.А.Венгеров, З.Н.Гиппиус, Марк Креницкий (М.В.Самыгин), А.И.Куприн, С.А.Кусевский, Лидия Лесная (Л.О.Шперлинг), Д.С.Мережковский, Вас.И.Немирович-Данченко, Вл.И.Немирович-Данченко, П.А.Оленин-Волгарь, А.С.Рославлев, М.В.Рундальцов, Б.В.Савинков, К.С.Станиславский, Н.С.Тихонов, Д.В.Философов, М.И.Цветаева находили новые слова и образы для описания вождя; авторитет политика подтверждался и авторитетом знаменитостей²². Они делали это с разной степенью таланта и с разной убежденностью, их выступления имели разный общественный резонанс.

²² О взаимоотношении Керенского и некоторых групп художественной интеллигенции см.: Колоницкий Б.И. А.Ф.Керенский и Мережковские // Литературное обозрение. 1991. №3. С.98-106.

Деятели русской культуры руководствовались разными причинами, прославляя Керенского. Одни искренне поддерживали его политический курс, другие были увлечены модным политиком, третьи азартно старались помочь «своему» представителю в мире большой политики: давние дружеские и родственные узы связывали Керенского с различными представителями радикальной и либеральной интеллигенции. Наконец, не следует сбрасывать со счета и материальные интересы: Керенский в это время «хорошо продавался», политизированное общество готово было платить за образы своего кумира и за тексты, посвященные ему, хорошо расходились также значки, открытки и портреты с изображением вождя, его бюсты. В некоторых случаях имел место и прямой политический заказ пропагандистских изданий, желающих сослаться на мнение знаменитых авторов, привлекающих читателей.

Однако сопоставление текстов авторитетных авторов и рядовых участников событий не всегда дает основание противопоставлять «высокую» культуру элиты и «низкую» культуру масс, нередко они были носителями одной авторитарной политической культуры. И представители образованных «верхов» и малограмотные «низы» порой не видели возможности дальнейшего политического развития страны без укрепления власти уникального вождя-спасителя и находили смысл в его прославлении, хотя использовали для этого разные слова и образы. Между малограмотными фронтовиками и утонченными представителями «серебряного века» было много общего, они по-разному описывали свои политические предпочтения, но оставались в поле влияния авторитарно-патриархальной политической культуры, о которой писал Богданов.

Многие оценки Керенского и его образы рождались не после долгих раздумий в тиши кабинетов, они появлялись как непосредственная реакция активистов разного уровня на быстро меняющуюся политическую обстановку. В мае и июне 1917 года образы Керенского использовались и в ходе многообразных конфликтов, прежде всего политической борьбы вокруг наступления. Если одни конфликты оформлялись как борьба «за» Керенского или «против» военного министра, то иногда все противостоявшие стороны пытались использовать авторитет влиятельного политика, приписывая Керенскому выгодные для них действия или слова, порой совершенно немыслимые. Само по себе это служит показателем того огромного авторитета, которым он пользовался.

Все чаще Керенский становился олицетворением врага для большевиков, левых социалистов, анархистов, пацифистов, для беспартийных противников наступления. Подобные разнообразные пропагандистские атаки противников Керенского заставляли и его убежденных сторонников, и временных союзников выступать в защиту военного министра, забывая на время о своих претензиях к нему. В ходе этих напряженных конфликтов рождались новые образы и слова. Таким образом, и политические противники Керенского косвенно влияли на становление культа вождя.

Особенно важным для создания культа вождя было политическое противостояние в вооруженных силах. Репрезентации Керенского, его образы и жесты, конфликты вокруг военного министра,

связанные с подготовкой и осуществлением наступления, способствовали политическому образованию и сплочению членов войсковых комитетов разного уровня, авторитет которых он желал укрепить. Появление культа Керенского и формирование многочисленного «комитетского класса», сыгравшего огромную роль в судьбах страны, было неразрывно связано. Это создавало принципиально новую политическую ситуацию в стране. Хотя члены войсковых комитетов придерживались разных взглядов, а большая их часть не принадлежала к какой-либо партии, в целом они были настроены оборончески, и по сравнению с представителями Советов они были более умеренными, первоначально тон в них задавали «правые» меньшевики и эсеры. Авторитет Керенского в войсковых комитетах был необычайно высок, а его риторика, его репрезентации влияли на политический стиль комитетчиков, которые, копируя «вождя революционной армии», цитируя и прославляя его, вносили немалый вклад в формирование культа Керенского. В политическом отношении утопический проект создания армии, состоящей из «солдат-граждан», не был безуспешным: «демократизированные» вооруженные силы были совершенно неприспособлены для ведения современной войны, но они могли сокрушить любого «внутреннего врага» нового режима. Керенский получил в свое распоряжение мощный политический ресурс сети влиятельных организаций. Располагая авторитетом «вождя народа» и опираясь на поддержку войсковых комитетов, он мог противостоять и атакам левых на Временное правительство в июле, и действиям Корнилова в августе.

При создании культа вождя сам Керенский, его сотрудники, сторонники и союзники использовали разнообразные источники. Многие элементы культа вождя задолго до 1917 года получили развитие в системе политической культуры революционного подполья, они применялись и при обосновании авторитета вождей различных политических партий в 1917 году. Культ «борцов за свободу», распространявшийся на политических лидеров, становился важным ресурсом легитимации в условиях революции. Необычайно важным было и то обстоятельство, что риторика и символика революционного подполья использовалась нередко противостоящими политическими силами. Тем самым подтверждалась их особая, сакральная роль как ресурса легитимации, различные стороны боролись за этот ресурс, что подтверждало его ценность.

Вместе с тем культ Керенского вбирал и важные элементы иных традиций. Хотя революционная символика и риторика доминировали в этом процессе культурно-политического творчества, но в нем ощущается и опыт патриотической мобилизации эпохи Первой мировой войны, и – в скрытой форме – монархическая патриотическая традиция, прежде всего традиция императорской армии, подчиненной «державному вождю» и ведомую военными вождями-главнокомандующими. Соединение революционной и военной традиций было особенно важно для решения актуальных политических задач, прежде всего для подготовки наступления.

Опыт культурного творчества весны – лета 1917 года был весьма важен для последующей эпохи. Многие культурные формы прославления «вождя народа», найденные в этот период, впоследствии были использованы, переработаны и развиты большевиками. «Советскому» политическому языку предшествовал язык «протосоветский», а «большевистский» язык был первоначально особым диалектом языка революционного (это облегчало затем задачу «говорения по-большевистски») ²³. Подобный революционный язык, в разработке которого большое участие принял Керенский, его сотрудники и сторонники, был в 1917 году весьма распространен, его порой использовали и некоторые будущие вожди Белого дела, что тогда укрепляло их статус, делало известными стране, что повлияло на их судьбу и их последующую репрезентацию.

Некоторые исследователи полагают, что культ вождя невозможно представить без поддержки развитых государственных институтов, контролируемых создателями соответствующих культов. Я.Плампер отмечает: «... современные культы личности возникают лишь в закрытых обществах. Публичная сфера в таких обществах чрезвычайно ограничена, что делает практически невозможным распространение посредством СМИ критики в адрес культа вождя и создание конкурирующих культов. Большинству закрытых обществ присущ высокий уровень насилия со стороны государства, и политический культ личности обычно необходим для определения взаимоотношений между правителем и подданным» ²⁴.

Подобный подход позволяет понять функционирование развитого культа вождей: образы Муссолини и Гитлера, Сталина и Ленина, образы, жившие в массовом сознании, невозможно представить без аппаратов массовой пропаганды и массового организационного воздействия, они поддерживались и аппаратом террора. Однако, эта интерпретационная модель упускает из виду генезис культурных форм, необходимых для возникновения культа вождя: важные образы и тексты, распространявшиеся впоследствии мощной государственно-партийной машиной, были созданы в условиях острой конкурентной политической борьбы – это присуще культам Ленина, Гитлера и Муссолини, а культ Сталина уже опирался на довольно развитые культы Ленина и Троцкого. И в этом отношении многомерные процессы культурного и политического творчества, процессы, протекавшие в 1917 году, оказали немалое воздействие на советскую – и постсоветскую – российскую политическую культуру.

Важно отметить, что в 1917 году культ вождя как форма персонификации власти не подвергается особой критике, статья А.Богданова, критикующая авторитарные тенденции различных социалистических партий, создающих культу своих вождей, является, скорее, исключением. Одни оппоненты Керенского критиковали его политический курс, другие – его политический стиль,

²³ Здесь я использую известный образ С.Коткина: Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley; Los Angeles; London, 1995. P. 198 – 237.

²⁴ Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. М., 2010. С. 12.

Керенского нередко считали неудачным кандидатом на роль «вождя народа», порой его именовали ложным вождем. Но сама потребность в сильном политическом вожде сомнению не подвергалась, под вопрос ставилась легитимность претензий кандидата на роль вождя, но не принципы легитимации через прославление вождя. В 1917 году публицист так описывал вопросы, мучавшие граждан России: «Кого же слушать? И кого назвать истинным вождем? И за кем пойти?». Следовало отличать подлинного вождя от «вождей», от демагогов, которые безосновательно претендовали на подобный статус²⁵. Сам принцип вождизма под вопрос здесь не ставился, политический выбор страны мыслился как выбор истинного вождя народа.

Носителями авторитарно-патриархальной политической культуры в 1917 году были люди самых разных взглядов. К их числу принадлежали и многие сторонники, и противники Керенского.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Арманд Л.М. Керенский. Пг., 1917.
2. Басманов М.И., Герасименко Г.А., Гусев В.К. Александр Федорович Керенский. Саратов, 1996
3. Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. Россия, 1914 – 1917. М., 2015.
4. Высоцкий В. Александр Керенский. М., 1917
5. Гавроева Е.С. Письма во власть: Рабочие и М.В. Родзянко (Март 1917 г.) // Революция 1917 года в России: Новые подходы и взгляды: Сб. науч. ст. / Отв. ред. и сост. А.Б. Николаев. СПб., 2015.
6. Гавроева Е.С. Письма во власть: Солдаты и М.В. Родзянко (Март 1917 г.) // Петербургские военно-исторические чтения: Сб. ст. / Отв. ред. и сост. А.Б. Николаев. СПб., 2015.
7. Голиков А.Г. Феномен Керенского // Отечественная история. 1992. № 5.
8. Иоффе Г.З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995
9. Кирьяков В.В. А.Ф. Керенский // Нива. 1917. № 19.
10. Колоницкий Б.И. А.Ф.Керенский и Мережковские // Литературное обозрение. 1991. №3.
11. Колоницкий Б.И. «Взбунтовавшиеся рабы» и «великий гражданин»: Речь А.Ф.Керенского 29 апреля 1917 и ее политическое значение // Journal of modern Russian history and historiography. 2014. № 7.
12. Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.
13. Леонидов О. Вождь свободы А.Ф. Керенский. М., 1917
14. Николаев А.Б. А.Ф. Керенский о Февральской революции // Клио. 2004. № 3.
15. Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. М., 2010.
16. Рабинович А. А.Ф. Керенский и В.И. Ленин как политические лидеры периода кризиса // Политическая история России XX века. К 80-летию проф. В.И. Старцева: Сб. науч. тр. СПб., 2011.
17. Соболев Г.Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. Период двоевластия. Л., 1973
18. Старцев В.И. Крах керенщины. Л., 1982.
19. Старцев В.И. Бегство Керенского // Вопросы истории. 1966. № 11.
20. Старцев В.И. Керенский: Шарж и личность // Диалог. 1990. № 16
21. Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX в. СПб., 1996
22. Старцев В.И. Тайны русских масонов. СПб., 2004
23. Тан. А.Ф. Керенский. Любовь русской революции // Герои дня: Биографические этюды. Пг., 1917. №1
24. Тютюкин С.В. Александр Керенский: Страницы политической биографии (1905--1917 гг.). М., 2012

²⁵ Абрамович Н.Я. Кому же верить? (Вожди и демагоги). М., 1917. С. 11, 32.

25. Федюк В.П. Керенский. М., 2009
26. Abraham R. Alexander Kerensky: The First Love of the Revolution. London, 1987
27. Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley; Los Angeles; London, 1995.

BIBLIOGRAPHY:

1. Armand L.M. Kerenskij. Pg., 1917.
2. Basmanov M.I., Gerasimenko G.A., Gusev V.K. Aleksandr Fedorovich Kerenskij. Saratov, 1996
3. Buldakov V.P., Leonteva T.G. Vojna, porodivshaya revolyuciyu. Rossiya, 1914 – 1917. M., 2015.
4. Vysockij V. Aleksandr Kerenskij. M., 1917
5. Gavroeva E.S. Pisma vo vlast: Rabochie i M.V. Rodzyanko (Mart 1917 g.) // Revolyuciya 1917 goda v Rossii: Novye podhody i vzglyady: Sb. nauch. st. / Otv. red. i sost. A.B. Nikolaev. SPb., 2015.
6. Gavroeva E.S. Pisma vo vlast: Soldaty i M.V. Rodzyanko (Mart 1917 g.) // Peterburgskie voenno-istoricheskie chteniya: Sb. st. / Otv. red. i sost. A.B. Nikolaev. SPb., 2015.
7. Golikov A.G. Fenomen Kerenskogo // Otechestvennaya istoriya. 1992. № 5.
8. Ioffe G.Z. Semnadcatyj god: Lenin, Kerenskij, Kornilov. M., 1995
9. Kiryakov V.V. A.F. Kerenskij // Niva. 1917. № 19.
10. Kolonickij B.I. A.F. Kerenskij i Merezhkovskie // Literaturnoe obozrenie. 1991. №3.
11. Kolonickij B.I. «Vzbuntovavshiesya raby» i «velikij grazhdanin»: Rech A.F. Kerenskogo 29 aprelya 1917 i ee politicheskoe znachenie // Journal of modern Russian history and historiography. 2014. # 7.
12. Kolonickij B.I. «Tragicheskaya erotika»: Obrazy imperatorskoj semi v gody Pervoj mirovoj vojny. M., 2010.
13. Leonidov O. Vozhd svobody A.F. Kerenskij. M., 1917
14. Nikolaev A.B. A.F. Kerenskij o Fevralsoj revolyucii // Klio. 2004. № 3.
15. Plamper YA. Alhimiya vlasti. Kult Stalina v izobrazitelnom iskusstve. M., 2010.
16. Rabinovich A. A.F. Kerenskij i V.I. Lenin kak politicheskie lidery perioda krizisa // Politicheskaya istoriya Rossii XX veka. K 80-letiyu prof. V.I. Starceva: Sb. nauch. tr. SPb., 2011.
17. Sobolev G.L. Revolyucionnoe soznanie rabochih i soldat Petrograda v 1917 g. Period dvoevlastiya. L., 1973
18. Starcev V.I. Kraih kerenshchiny. L., 1982.
19. Starcev V.I. Begstvo Kerenskogo // Voprosy istorii. 1966. № 11.
20. Starcev V.I. Kerenskij: SHarzh i lichnost // Dialog. 1990. № 16
21. Starcev V.I. Russkoe politicheskoe masonstvo nachala HKH v. SPb., 1996
22. Starcev V.I. Tajny russkih masonov. SPb., 2004
23. Tan. A.F. Kerenskij. Lyubov russkoj revolyucii // Geroi dnya: Biograficheskie etyudy. Pg., 1917. № 1
24. Tyutyukin S.V. Aleksandr Kerenskij: Stranicy politicheskoi biografii (1905-1917 gg.). M., 2012
25. Fedyuk V.P. Kerenskij. M., 2009
26. Abraham R. Alexander Kerensky: The First Love of the Revolution. London, 1987
27. Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley; Los Angeles; London, 1995.